Розамунда Болтон впервые стала вдовой в шесть лет. Во второй раз она лишилась мужа, еще не достигнув тринадцатилетия и по-прежнему оставаясь непорочной. Правда, о последнем обстоятельстве она втихомолку жалела, но мысль о том, чтобы обрести пусть и временную, но свободу после обязательного года траура, казалась более привлекательной, ибо она не была замужем всего лишь первые три года своей короткой жизни.

Возможно, будь ее родители живы, все получилось бы по-другому. И если бы ее брат Эдвард не пал жертвой той же эпидемии чумы, которая унесла ее отца и мать, все определенно получилось бы по-другому. Но они ушли на небо дождливым летом тысяча четыреста девяносто второго года, и когда их тела зарыли на церковном дворе, Розамунда Болтон неожиданно оказалась единственной наследницей Фрайарсгейта, обширного участка земли с бесчисленными отарами овец и стадами коров. Тогда ей не было и трех лет.

Генри Болтон, ее дядя со стороны отца, немедленно переехал во Фрайарсгейт со своей женой Агнес и сыном. Если бы болезнь одолела и девочку, Генри в полном соответствии с законом прибрал бы все к своим рукам. Но Розамунда не умерла. И к полному удив-

лению родственников, росла необычайно здоровым ребенком.

Генри слыл человеком практичным. Для того чтобы управлять Фрайарсгейтом, ему было не обязательно становиться его хозяином. На это у него имелись свои средства. Не дожидаясь разрешения церкви на брак между родственниками, он женил своего пятилетнего сына Джона на Розамунде, в совершенной уверенности, что за соответствующую цену можно получить какое угодно разрешение.

Но два года спустя, когда только что полученное разрешение наконец оказалось в железном ящике под кроватью, Генри Болтон снова оказался в неприятной ситуации, грозившей ему потерей Фрайарсгейта. Детей свалила пятнистая болезнь*. И хотя Розамунда перенесла ее на удивление легко, семилетнему Джону не повезло. Бедняга скончался.

Остальные дети Болтонов рождались мертвыми, и теперь Генри поедом ел за это жену. Неужели они будут вынуждены собственными руками отдать Фрайарсгейт незнакомым людям только из-за ее неспособности родить?

Генри отчаянно искал способ защитить свои интересы, и, к невероятному облегчению, нашел идеальное решение в лице престарелого кузена своей жены Хью Кэбота.

Почти всю сознательную жизнь Кэбот служил управителем в доме Роберта Линдси, брата Агнес Болтон. Но теперь Роберту понадобилось это место для его второго сына, и Хью грозила опасность лишиться должности. Агнес узнала об этом от своей невестки, отчаянной сплетницы. Пытаясь умиротворить разгневанного мужа, Агнес рассказала ему об услышанном, тем самым вновь вернув

* Сыпной тиф. — *Здесь и далее примеч. пер.*

его милость, ибо с ее помощью Генри Болтон смог найти самое простое решение своей проблемы.

Он послал за Хью, и после беседы наедине договор был заключен. Хью женится на шестилетней Розамунде и станет управлять поместьем, а за это получит кров и приют до конца дней своих. Хью понимал, чего добивается Генри, но что поделать, плохо остаться бездомным на старости лет. Поэтому ему пришлось согласиться. Он с первого взгляда невзлюбил своего «благодетеля» и к тому же отнюдь не был таким непроходимым болваном, каковым считал его Генри. Мало того, про себя он решил, что если Господь отмерит ему еще с десяток лет, он вполне успеет убедить девочку-жену защитить свои интересы от алчного дядюшки.

И тут свершилось чудо: Агнес Болтон снова готовилась стать матерью. В отличие от предыдущих беременностей эта проходила легко, и она надеялась, что уж этого ребенка, как и Джона, она сможет доносить до срока. Узнав новости, Генри отдал распоряжение о немедленном возвращении в Оттерли-Корт, поместье жены, полученное им в приданое. Вне себя от радости, он не сомневался, что вскоре на свет появится долгожданный сын. Он уже решил, что после смерти Хью Кэбота женит наследника на Розамунде, и тогда Фрайарсгейт будет снова принадлежать ему, уже навечно.

Болтоны собрали вещи и готовились к отъезду. Настал день свадьбы. Жених оказался высоким, болезненно худым мужчиной. Тощая как палка фигура и грива снежно-белых волос производили на окружающих впечатление хрупкости и ненадежности. Но стоило взглянуть в ярко-голубые глаза под рыжевато-седыми густыми бровями, как заблуждение рассеивалось. Он подписал брачный контракт чуть дрожащей рукой, сгорбив широкие плечи и старательно избегая взгляда Генри

Болтона. Тот ничего не заметил. Да и не до этого ему было. Для него имело значение только одно: никто из посторонних не украдет племянницу и поместье прямо из-под носа. Он был твердо уверен, что по-прежнему держит в руках Фрайарсгейт.

На невесте было простое облегающее платье травянисто-зеленого цвета с удлиненной талией. Распущенные рыжевато-каштановые волосы раскинулись по узким плечам. На маленьком личике сверкали любопытством огромные янтарные глаза. Но во взгляде проглядывала и настороженность. Хью она показалась изящной, как сказочная фея. Осторожно взяв ее крошечную руку, он повторил обеты перед престарелым священником. Девочка вторила ему мелодичным голосом, очевидно, выучив обеты наизусть.

Генри в продолжение всей церемонии широко и чуть самодовольно улыбался. Он и Агнес были свидетелями на свадьбе. Больше в церковь никого не пригласили.

Выйдя во двор, он сказал Хью:

— Пусть девчонка и твоя жена, не вздумай баловаться с ней. Я хочу, чтобы она сохранила невинность до следующего замужества.

На какое-то мгновение Хью едва не поддался черной ярости, затопившей его душу. Но он сумел скрыть неприязнь к этому грубому и жадному человеку и тихо ответил:

— Она совсем еще ребенок, Генри Болтон. Кроме того, в моем возрасте страсти уже неведомы.

— Рад это слышать, — дружелюбно кивнул Генри. — Она девчонка послушная, но если начнет капризничать, можешь ее побить. Это право остается за тобой, и не мне его у тебя отнимать.

С этими словами он покинул Фрайарсгейт. Семейство направилось к холмам, отделявшим Оттерли-Корт от богатого владения племянницы.

Несколько месяцев спустя Агнес Болтон разродилась девочкой, а сама скончалась от послеродовой лихорадки. Взбешенный Генри похоронил жену и отдал дочь пышногрудой кормилице, жене своего арендатора, а сам занялся поисками молодой и плодовитой жены, в чем скоро и преуспел.

Мейвис была девушкой плотной и выносливой. Дочь мелкого землевладельца, она поднялась на ступеньку социальной лестницы, выйдя за Генри Болтона. Этот безжалостный жестокосердый мужчина был сражен наповал своей голубоглазой златовласой невестой. Она быстро доказала, что стоит его любви, произведя на свет троих здоровых сыновей за три года. К тому же она оказалась хорошей хозяйкой и твердой рукой вела хозяйство, содержа его в полном порядке. И хотя планы Генри не осуществились в полной мере, все же теперь у него были наследники.

После свадьбы он ни разу не приезжал во Фрайарсгейт и не видел, как растет племянница, однако надеялся, что Хью протянет до того времени, когда его старший сын сможет жениться на Розамунде. И до того момента, как племянница, поддавшись женской слабости, не отдастся на вересковой пустоши пылкому молодому ухажеру.

«Еще немного, совсем немного», — думал он в полной уверенности, что Фрайарсгейт снова окажется в его власти.

Часть I

Англия, 1495—1503

НАСЛЕДНИЦА ФРАЙАРСГЕЙТА

Глава 1

Только что обвенчанная с Хью Кэботом Розамунда Болтон, совсем еще дитя, молча смотрела вслед уезжавшим. Когда наконец дядя и его жена скрылись из виду, она повернулась к мужу и тихо осведомилась:

— Они убрались насовсем, сэр? Мой дядюшка всегда вел себя так, словно не я, а он — хозяин этого дома.

— Значит, ты это тоже поняла? — удивленно откликнулся Хью. Интересно, что еще она успела сообразить? Бедный ягненочек. Ее жизнь легкой не назовешь.

— Я — наследница Фрайарсгейта, — просто, но гордо ответила она, — дядя Эдмунд говорит, что я — знатная добыча. Поэтому мой дядя Генри так стремится наложить лапы на мое имущество. Он вернется?

— Пока что вряд ли. Но я уверен, что он приедет посмотреть, как у тебя обстоят дела.

— Вернее, для того, чтобы проверить, насколько процветает хозяйство, — проницательно заметила девочка.

Хью сжал ее руку.

— Давай пойдем в дом, Розамунда. Ветер сегодня холодный: знак того, что зима не за горами.

Они вместе возвратились в дом и уселись в маленьком зале у теплого огня.

— Значит, теперь вы мой супруг, — серьезно заметила Розамунда. Хью увидел, что ее маленькие ножки не достают до пола.

— Именно, — согласился он, лукаво поблескивая глазами и гадая, куда она клонит.

— И сколько же жен у вас было до меня, сэр? — полюбопытствовала она.

— Ни одной, — заверил он с легкой улыбкой, осветившей его угловатые черты.

— Почему? — допытывалась девочка, гладя большую серую гончую, сидевшую у ее кресла.

— У меня не было средств содержать жену, — пояснил Хью. — Я был младшим сыном у отца. Он умер еще до моего рождения. Бедняга тоже был младшим сыном, во всем зависевшим от своей семьи. Давным-давно мне пришлось сделать своей кузине Агнес огромное одолжение: по крайней мере тогда я так считал. Убедил ее брата отдать ей маленькое поместье Оттерли, после чего она сразу превратилась в желанную невесту для твоего дяди Генри. Агнес — девушка некрасивая и не имеющая призвания к монастырской жизни. Ей нужно было что-то такое, что выделило бы ее среди остальных девиц брачного возраста со скромным состоянием. Уговорив Роберта Линдси, дав ему понять, что женщина с приданым имеет больше возможностей найти мужа, я оказал Агнес немалую услугу.

— У меня тоже больше возможностей найти мужа, чем у остальных, — проницательно объявила Розамунда.

— Совершенно верно, — сказал Хью со смешком. — Для такой малышки ты на редкость сообразительна.

— Священник говорит, что женщины — сосуд слабый и ничтожный, но, думаю, он ошибается. Женщины могут быть не только умными, но и сильными, — откровенно призналась Розамунда.

— Это ты сама придумала? — удивился он. Что за поразительное дитя досталось ему в жены!

Она ответила испуганным взглядом и забилась поглубже в кресло.

— Вы побьете меня за мои мысли, сэр? — пролепетала она.

Хью озабоченно свел брови. Неожиданный вопрос глубоко его встревожил.

— Почему ты так считаешь, девочка? — тихо пробормотал он.

— Я вела себя очень дерзко. Тетя твердит, что женщина не должна быть чересчур откровенной или смелой. Это вызывает недовольство мужчин и навлекает на женщин побои и наказания.

— Дядя тебя бил? — догадался Хью.

Девочка молча кивнула.

— Ну а я не стану, — заверил он. Добрые голубые глаза встретились с испуганными янтарными. — Наоборот, я жду, что ты будешь чистосердечной и открытой в разговорах со мной. Когда люди таятся друг от друга, между ними возникают глупые недоразумения. Я многому могу научить тебя, если захочешь стать настоящей хозяйкой Фрайарсгейта. Не знаю, сколько смогу пробыть рядом с тобой, ибо я уже немолод. Но если собираешься стать хозяйкой собственной судьбы и не намерена терпеть чью-либо власть, должна прилежно усваивать все мои уроки, иначе Генри Болтон снова явится, чтобы завладеть твоими богатствами.

Он заметил в ее взгляде искорку интереса, но она быстро опустила ресницы и задумчиво протянула:

— Знай мой дядя, что ты собираешься восстановить меня против него, вряд ли ты стал бы моим мужем, Хью Кэбот.

Хью усмехнулся.

— Ты неверно поняла меня, Розамунда, — вкрадчиво ответил он. — Я не собираюсь ссорить тебя с родными, но, будь я твоим отцом, хотел бы, чтобы ты не зависела от семьи. Фрайарсгейт принадлежит тебе, а не им, девочка. Знаешь мой фамильный девиз?

Розамунда покачала головой.

— «Tracez votre chemin». Это означает: «Сам прокладывай себе путь», — объяснил он.

Розамунда кивнула.

— Пожалуйста, Хью, живи подольше, чтобы я смогла сама выбрать себе мужа, — попросила она, весело блестя глазами. Хью громко рассмеялся и сам удивился себе. Как давно он не хохотал так искренне, без всякой злобы или обиды!

— Постараюсь, Розамунда, — пообещал он.

— Сколько тебе лет? — выпалила она.

— Сегодня двадцатый день октября. В девятый день ноября мне исполнится шестьдесят. Я очень стар, Розамунда.

— И вправду, — серьезно согласилась она.

Не в силах сдержаться, Хью снова хмыкнул.

— Мы будем друзьями, девочка, — объявил он и, упав на колени, взял ее руку.

— Клянусь тебе в день нашей свадьбы, Розамунда, что, пока живу, превыше всего буду ставить интересы твои и Фрайарсгейта.

И с этими словами он поцеловал маленькие пальчики.

— Может, я тебе и поверю, — сказала Розамунда, отнимая руку, но тут же лукаво улыбнулась. — Я рада, что дядя выбрал именно тебя, Хью Кэбот, хотя, думаю, он вряд ли это сделал бы, знай твое истинное лицо и мятежные мысли. И никакая тетка не смогла бы его уговорить!

— Моя жена-дитя, — обратился к ней Хью, — подозреваю, что у тебя имеется склонность к ин-

тригам. Весьма интересное свойство для столь молодой особы.

Он встал и снова устроился в кресле.

— Я не знаю, что такое интрига. Это хорошая вещь? — допытывалась Розамунда.

— Иногда. Я всему научу тебя, — заверил он. — Тебе понадобится немало ума и сообразительности, когда я уйду и не смогу больше тебя защищать. Твой дядя — не единственный, кто мечтает заполучить Фрайарсгейт. Вполне возможно, найдется человек сильнее и опаснее Генри Болтона. У тебя хорошая голова, девочка. Тебе просто необходимы мои наставления, чтобы выжить и уцелеть в этой схватке.

Вот так началась их супружеская жизнь. Хью быстро полюбил малышку, всячески ее лелеял и баловал, как дочь, которой он никогда не имел. Розамунда отвечала ему тем же. Он заменил ей дедушку, и отныне они стали неразлучны. На следующий день после свадьбы оба отправились объезжать имение: Хью на крепком гнедом мерине, а Розамунда — на снежно-белом пони с черными гривой и хвостом. Хью был поистине потрясен, обнаружив, как много знает девочка о своих владениях. Она очень гордилась Фрайарсгейтом и показала мужу зеленые луга, по которым бродили овцы, и плодородные пастбища, где коровы щипали траву под осенним небом.

— Дядя делился с тобой знаниями? — расспрашивал он.

— Никогда, — вздохнула Розамунда. — Для Генри Болтона я всего лишь собственность, которой следует управлять, чтобы он, в свою очередь, мог заполучить Фрайарсгейт.

— Откуда же тебе все так хорошо известно? — удивился он.

— У моего деда было четверо сыновей, — начала девочка. — Отец родился третьим, но первые

два были незаконными и появились на свет до женитьбы деда. Дядя Генри — самый младший. А старший — дядя Эдмунд. Мой дед любил всех детей, но больше всего — Эдмунда и Ричарда. Дядя Генри родился, когда моему отцу исполнилось пять. Говорят, что дед не делал различия между сыновьями, кроме разве того, что именно мой отец был объявлен законным наследником. Эдмунду и Ричарду даже позволили носить фамильное имя. Дядя Генри ненавидит их, особенно Эдмунда, потому что дедушка любил его больше всех.

Дед отдал Ричарда церкви, чтобы искупить свои грехи. Он стал монахом в аббатстве Святого Катберта, что неподалеку от Фрайарсгейта. Эдмунда дед сделал своим управителем, когда тот вырос, а старый управитель умер. Дядя Генри не посмел выгнать старшего брата, ибо Эдмунд слишком много знает о Фрайарсгейте. Конечно, Эдмунд держится подальше от Генри, но и он, и Мейбл многое мне объясняли.

— Мейбл? Кто это?

Еще одно новое имя.

— Моя нянюшка, — объяснила Розамунда, — и жена Эдмунда. Она — единственная мать, которую я знала. Свою я почти не помню, хотя, говорят, она была милой и доброй, но так и не окрепла после того, как родила меня.

— Я хотел бы познакомиться с Мейбл и Эдмундом, — решил Хью.

— Тогда едем к их дому, — согласилась Розамунда. — Они тебе понравятся.

Теперь Хью Кэбот понял вторую причину, по которой Генри Болтон выбрал его в мужья Розамунде. Очевидно, ему не терпелось позлить Эдмунда. О нет, он не сместил старшего брата с должности грубо и открыто, просто теперь тому ничего не останется, кроме как отступить. Что же, Хью придется как можно скорее на-

вести мосты, если он не хочет открытой ссоры. Ничто не должно отвлекать его от цели: заботы о безопасности Розамунды и Фрайарсгейта. Если Эдмунд Болтон именно таков, каким его считает Розамунда, Хью наверняка с ним поладит.

Они добрались до каменного коттеджа, расположенного на склоне уединенного холма, выходившего на маленькое озеро. С первого взгляда было видно, что домик содержится в порядке: ни одной поломанной черепицы на крыше, свежая побелка, крепкие ставни. Под окном стояла старая, много повидавшая скамья. Из трубы поднималась узкая лента серого дыма. У двери цвели поздние розы.

Спрыгнув с лошади, Хью поднял Розамунду и поставил на землю. Девочка поспешила в коттедж, выкрикивая на ходу:

— Эдмунд! Мейбл! Мой муж захотел познакомиться с вами!

Хью, нагнув голову под притолокой, вошел в дом и оказался в уютной комнате, где в камине весело плясало пламя. Вперед выступил мужчина среднего роста с загорелым, обветренным лицом человека, проводящего весь день на свежем воздухе. Янтарные глаза светились любопытством.

— Добро пожаловать, милорд. Мейбл, иди познакомься с новым хозяином.

Он подвел к гостям свою пухленькую женушку, маленькую женщину неопределенных лет с проницательными серыми глазами. Она внимательно оглядела Хью и, очевидно, удовлетворившись осмотром, почтительно присела.

— Рада видеть вас, сэр.

— Могу я предложить вам сидра, милорд? — вежливо осведомился Эдмунд.

— С удовольствием, — согласился Хью. — Мы целый день скакали верхом, объезжая владения моей жены.

— И мое дитя кусочка во рту не имело с самого утра? — возмутилась Мейбл. — Безобразие!

— Я не голодна, — хихикнула Розамунда. — Я впервые за много недель вышла из дома! Ты же знаешь, Мейбл, дядя Генри глаз с меня не спускал и разрешал отлучаться разве только для того, чтобы облегчиться и поспать. До чего же чудесной получилась прогулка!

— И все же Мейбл права, жена, — спокойно вмешался Хью. — Я, как и ты, наслаждался прекрасным днем, но ты растешь и нуждаешься в подкреплении. — Он повернулся к хозяевам: — Кстати, я просто Хью Кэбот... и буду рад, если вы станете обращаться ко мне по имени, данному мне при крещении, Эдмунд и Мейбл Болтон.

— Да, когда мы наедине, — согласился Эдмунд, — но в присутствии слуг мы должны соблюдать общепринятые правила. Что ни говори, а ваша жена — хозяйка Фрайарсгейта.

Эдмунд приятно удивился тону и мягким манерам Хью. Не таким он ожидал увидеть мужа Розамунды!

— Садитесь! — пригласила Мейбл. — Я покормлю вас. Она захлопотала, вынув хлеб из стоявшей у огня корзины, разрезав каравай надвое и вынимая мякиш. Потом поставила корки на стол и наполнила аппетитно пахнувшим жарким из кролика с луком и морковью в густой подливе. Также она положила на стол полированные деревянные ложки. Розамунда и Хью должны были есть из одной корки. Эдмунд принес оловянные кубки с сидром.

К своему удивлению, Розамунда обнаружила, что очень голодна. Она ела быстро, жадно, то и дело засовывая в рот куски каравая.

Мейбл исподтишка наблюдала за ними, отмечая, что Хью Кэбот заботится о ребенке, позво-